

БЕЛИКАЯ, ДЕРЖАВНАЯ МОСКВА

В день ее 700-летия

Процветай, царей столица,
Матерь русских городов,
Слова русского царица
И уставщица умов!

Многи веки ей, державной!
Будь богата и славна!
И поклон ей, православной:
Именинница она!

Михаил Дмитриев, 1847

От редакции

В дни 850-летнего юбилея Москвы нам хотелось бы напомнить и о том ярком, шумном празднике, который отмечали полвека тому назад в советской столице. Предлагаем вниманию читателей две небольшие публикации, связанные с этим событием. Одна из них принадлежит перу президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова (имя которого носит Институт истории естествознания и техники РАН), другая — известному геологу, профессору Н. А. Штрейсу. Разные по жанру, они объединены любовью к русской культуре и науке, истории России и ее столице.

«В МОСКВЕ ВЫРОСЛА НОВАЯ НАУКА»*

Сергей Иванович Вавилов был не просто уроженцем Москвы. Кровные нити связывали его с Городом всю жизнь.

24 марта 1891 г. на Большой Пресне «в доме Ньюина» родился будущий президент Академии наук СССР. Когда ему было примерно три-четыре года, родители переехали в дом по Никольскому переулку, против церкви Николы Ваганькова. С 1905 г. дом Вавиловых располагался на Средней Пресне (№ 13). В 20-е гг. С.И.Вавилов с женой жил в доме № 16 по Еропкинскому переулку на Пречистенке, где занимал небольшую квартиру из одной комнаты и миниатюрного, «на одного человека», кабинета; в 40-е гг. — на Спиридоновке.

Список московских адресов Вавилова продолжают места, где он учился: с семи лет в частной начальной школе Войлошниковых (Малая Грузинская); с 1901 г. — в Московском коммерческом училище, располагавшемся в «еропкинском доме» на Остоженке; с 1909 г. — в Императорском Московском университете. В эти годы он постоянно посещал Политехнический музей и проходившие там заседания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, бродил по букинистическим лавкам на Моховой, Никольской, старой Сухаревке...

В Москве немало мест, связанных с научно-исследовательской, организационной и общественной деятельностью С. И. Вавилова: лаборатория П. Н. Лебедева, распола-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96-01-00173).

гавшаяся поначалу в двух полуподвальных смежных квартирах в доме № 20 по Мертвому переулку (здесь С. И. Вавилов выполнил первую научную работу), а затем в Народном университете им. Шанявского (на Миусской площади); Московский университет, Физический институт... и, наконец, «президентский дворец» — здание Президиума АН СССР в Нескучном саду.

Театральная, Манежная, Кудринская, Моховая, Тверская, Арбат, Пресня, Лефортово и многие, многие другие площади, улицы, переулки Москвы помнят С. И. Вавилова — москвича, блестящего ученого и выдающегося администратора, внешне — одного из любимцев и баловней судьбы, а по сути — человека, чья участь была одной из самых драматических среди бесчисленных людских трагедий той, не очень уж и далекой от нас эпохи.

Историкам и психологам, вооруженным самым тонким исследовательским инструментарием, еще предстоит изучить особенности этой выдающейся личности, взвесить, в какой мере его слова и дела, особенно публичные выступления общественно-политического звучания, носили характер неизбежного и необходимого социального ритуала, в какой степени отдельные поступки (в том числе и сомнительные — с позиции сегодняшнего дня) отвечали его внутренней мотивации. Материал, уже введенный в научный оборот, и тот, который постепенно становится достоянием гласности, дает достаточные основания для подобного анализа столь сложной и многоплановой личности, какой был С. И. Вавилов. В личном фонде академика С. И. Вавилова, хранящемся в Архиве Российской академии наук и хорошо известном историкам, тем не менее содержится еще немало интересных и недооцененных документов.

В архиве С. И. Вавилова сохранилось несколько рукописей его статей и выступлений, связанных с празднованием в сентябре 1947 г. 800-летия Москвы. Знакомство с ними вызвало различные чувства. Понятно, что президент Академии наук Советского Союза как одно из высших должностных (номенклатурных) лиц государства обязан был выступать с парадными речами, прославляющими величие и мудрость вождя народов и почетного академика АН СССР И. В. Сталина (избран 22 декабря 1939 г.). Но странное дело, некоторые тексты настолько избыточны такого рода славословием, что о содержании, собственно, и не может идти речь — например, выступление на Собрании АН СССР 2 сентября 1947 г. или спустя несколько дней при закладке памятника Юрию Долгорукому [1].

Были и другие тексты, весьма отличные, в том числе и нижепубликуемая статья С. И. Вавилова «Из истории науки в Москве». Причем те, и другие имеют очевидные свидетельства авторства самого члена Правительственного комитета по проведению празднования 800-летия города Москвы С. И. Вавилова. Кроме того, современники, хорошо знавшие, как работал президент Академии наук, утверждали, что все статьи он писал собственноручно. Как вспоминала референт президента С. И. Вавилова Н. А. Смирнова, при первой же встрече он ей сказал: «Не думайте, что вам удастся писать за меня статьи, вы должны будете только подбирать нужный мне материал, справки, и все, а уж писать я буду сам» [2, с. 264].

Вспоминается, как Сергей Иванович диктовал свои статьи. Обычно вечером, когда текущая работа заканчивалась, Сергей Иванович говорил: «Если вы можете задержаться, тогда немного я вам подиктую». Положит, бывало, на свой письменный стол часы, снимет очки, тоже положит на стол и начинает диктовать, только изредка заглядывая в лежащие на столе материалы или свои заметки. Потом встанет, возьмет очки в руку и ходит по кабинету, продолжая диктовать, спокойно, четко, все слова на своих местах, изредка только просит прочитать последнюю фразу, когда мысль от него ускользнет. И диктует дальше. А потом, когда дашь ему отпечатанный материал, тщательно проверит, исправит даже мелкие опечатки и даст на окончательную перепечатку. Много за пять лет я написала под диктовку Сергея Ивановича статей и текстов его выступлений. И все они, можно смело сказать, были образцом русской речи и прекрасного изложения. Черновики этих статей с правками Сергея Ивановича теперь хранятся в Архиве Академии наук [2, с. 265].

Это был редкостный человек, обаятельный, душевный, простой, такой, каких очень мало, — и это несколько не будет преувеличением... За несколько суровой внешностью Сергея Ивановича скрывались его доброта, сердечность, чуткость, теплота и внимательность к людям... [2, с. 268].

Экслибрис С. И. Вавилова

Статья С. И. Вавилова «Из истории науки в Москве» интересна не только тем, что содержит относительно минимальное количество стереотипных для того времени лексических форм. Она имеет больше чем другие близкие по времени тексты личностный элемент, подчас переходящий в мемуарный жанр. В ней как бы подразумевается второй смысловой пласт, довольно странный для контекста эпохи. Например, в рассказе о проходившем в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей фраза С. И. Вавилова: «Мне не приходилось никогда больше быть свидетелем подобного научного триумфа» выглядит более чем двусмысленно. Кстати говоря, по моему наблюдению, такого рода многоплановых высказываний в текстах и выступлениях С. И. Вавилова довольно много, и в совокупности они также должны учитываться при изучении его наследия. Что касается его явной и скрытой позиции, то одним из самых «говорящих текстов»*, по-моему, является экслибрис С. И. Вавилова.

Статья С. И. Вавилова «Из истории науки в Москве», датированная 3 сентября 1947 г., готовилась для публикации в газете «Московский большевик». При просмотре подшивки газеты за август-сентябрь 1947 г. данной публикации обнаружить не удалось. Вероятно, этой статье не нашлось места — 4 сентября на двух газетных страницах публиковался нормативный материал для докладчиков «О 800-летию Москвы», подготовленный Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Но скорее всего статья диссонировала с общим настроением, поскольку через весь лист газеты «аршинными» буквами печаталась такая «шапка»: «Своей славой и процветанием социалистическая Москва обязана великому Сталину». Впрочем, один раз портрет и имя С. И. Вавилова встретились в этой газете. В номере от 8 сентября прошла информация о состоявшемся накануне митинге, посвященном закладке памятника основателю Москвы Юрию Долгорукому. Здесь были опубликованы текст выступления С. И. Вавилова при открытии памятного знака и две фотографии: на одной — изображение камня с надписью «Здесь будет сооружен памятник Юрию Долгорукому — основателю Москвы», на другой — председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов, председатель Исполкома Московского совета Г. М. Попов и президент АН СССР С. И. Вавилов как раз в момент произнесения им речи. Таким образом, вопрос о том, публиковался ли ранее текст статьи С. И. Вавилова «Из истории науки в Москве» или же наша публикация является первой, остается пока открытым.

* Глубину его переживаний доносят обрывки воспоминаний и размышлений последних лет жизни. К примеру, такой фрагмент: «Как себя помню (с 5-ти лет, с „Ходынки“), всегда чувствовал себя „левым“, „демократом“, „за народ“. Это было вполне естественно в нашей семье... Но моя левизна и демократизм не переходили в политику, в ее жесткость и даже жестокость (объективную необходимость этого я всегда признавал, но от мыслей к делу перейти не мог). Теперь это называют „мягкотелостью“. Из нее и прорастает моя органическая беспартийность. Революция 1905 г. меня испугала. Я бросился в науку, в философию, в искусство» [2, с. 102]. Это предпоследняя запись, сделанная в загородной больнице в Барвихе 10 января 1951 г. — 25 января С. И. Вавилов скоростно скончался.

Текст публикуется полностью по машинописной заверенной копии, хранящейся в Архиве РАН [3, л. 1–9] с соблюдением правил современной орфографии и пунктуации.

С. С. Илизаров

Список литературы

1. Архив РАН. Ф. 596. Оп. 1. Д. 164, 167.
2. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. М., 1981.
3. Архив РАН. Ф. 596. Оп. 1. Д. 165.

С. И. ВАВИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ В МОСКВЕ

Празднование 800-летия Москвы совпадает со временем особого исторического значения для нашей Родины. Советский Союз, социалистическое, первое в мире бесклассовое государство, построенное в итоге героического напряжения всех народных сил под руководством партии Ленина-Сталина и советского правительства, подвергался величайшей опасности военного фашистского нападения. Враг был побежден и уничтожен. Озаренный блеском этой победы и славой Великой Отечественной войны советский народ вновь вернулся к творческой работе социалистического строительства, стремясь к осуществлению коммунистического общества. Юбилей Москвы совпадает с началом этого нового, важнейшего этапа нашей истории.

Вглядываясь вглубь московского прошлого, особенно поражаешься неустанным, все время разрастающимся темпам развития. Перед новизной и живостью петровской Москвы бледнеют годы «собирателей» Московского государства. А 30 советских лет своим невиданным в истории человечества размахом и особенностью затмевают все предшествующие. Впереди же безграничные дали нового развития. У этого величайшего исторического процесса есть одна неотъемлемая, неслучайная черта — все время возрастающее значение культуры и в особенности науки и техники.

Одиночные попытки помочь росту науки в Москве во времена Ивана IV и Бориса Годунова сменились более систематическими мерами в предпетровские времена, учреждена была, в частности, Славяно-греко-латинская Академия в Москве, в которой впоследствии обучался Ломоносов. Петр I решительно повернул Москву, а с нею и все русское государство на твердую дорогу научного и технического прогресса. Однако только после Великой Октябрьской революции наука стала действительным необходимым и важным условием социалистического государства и его развития. За 30 советских лет наша наука выросла неузнаваемо. Число людей, занимающихся научными исследованиями, по сравнению с дореволюционным временем возросло в десятки раз. Вместо одиночных исследовательских учреждений возникли тысячи институтов и лабораторий, разрабатывающих все наиболее значительные вопросы современной науки. Эта большая советская наука помогла осуществлению сталинских пятилетних планов и победе над страшным врагом. Сейчас перед ней т. Сталиным поставлены новые большие задачи, и каждому советскому человеку ясно, что наука должна стать в ближайшее время еще более важным двигателем развития советского государства на путях к коммунизму.

Петр перенес центр русской науки в Петербург, но вскоре в 1755 году по почину и плану Ломоносова в Москве был создан университет, ставший одним из самых замечательных очагов русской науки. Постепенно в Москве создавались другие высшие школы и научные общества, и начиная с середины XIX века Москва с большим успехом соревновалась на научном поприще с Петербургом.

В 1918 г. Москва стала вновь столицей нашей родины, и с тех пор она шаг за шагом все с большим основанием приобретала значение основного научного спектра Советского Союза. В настоящее время, когда в советской столице сосредоточена большая часть учреждений Академии наук СССР, громадные специальные институты, многие высшие школы во главе со старинным университетом, руководящая роль Москвы в научной жизни страны стала очевидна.

Наука в Москве за советские годы росла так быстро и мощно, что нет возможности в кратком очерке дать правильное представление о путях ее развития. Я ограничусь немногими эпизодами из истории московской науки, дающими только примеры тех замечательных перемен, которые произошли за последние десятилетия.

* * *

Последние дни декабря 1909 года. В Москве в аудиториях Московского университета проходит многотысячный XII Съезд естествоиспытателей и врачей. На торжественных общих собраниях съезда в Колонном зале в Охотном ряду тысячи людей с напряженным вниманием следят за докладами великого физиолога И. П. Павлова и знаменитого московского физика Н. А. Умова. Доклады посвящены самым острым вопросам высшей нервной деятельности и теории относительности. В Физическом институте университета всемирно известный физик П. Н. Лебедев сообщает результаты своих десятилетних экспериментальных исследований давления света на газы. Эти изумительные по тонкости, остроумию, трудности и по своему значению опыты П. Н. Лебедева вызывают необычайный восторг аудитории, вмещающей почти всех тогдашних русских физиков. Мне не приходилось никогда больше быть свидетелем подобного научного триумфа. XII Съезд естествоиспытателей и врачей в Москве был несомненно самой внушительной демонстрацией возможностей дореволюционной русской науки и ее достижений по крайней мере в области естествознания.

Прошел год. С московской наукой произошла катастрофа. Весной 1911 года Московский университет лишился большинства лучших своих профессоров, доцентов и даже студентов. Профессора и доценты демонстративно подали в отставку, выражая этим протест против правительственного произвола, проявившегося в полной мере во время студенческих волнений в Москве в конце 1910 и в начале 1911 года. В университет вводилась полиция, в аудиториях с кафедры вместо профессоров к студентам обращались полицейские приставы или «сам» московский градоначальник Модль. Правительство приняло отставку профессуры. Среди ушедших из университета были такие ученые, как уже называвшийся П. Н. Лебедев, знаменитый минералог и геохимик В. И. Вернадский и многие другие. Оставленные были наспех заменены случайными людьми. Главной надеждой на подготовку новых ученых у царского правительства стали заграничные школы, куда для обучения посылались партиями наиболее благонадежные из кончавших университет. Так царское правительство разрушало ломоносовский университет, только что демонстрировавший пред лицом всей страны и всего мира на ученом съезде возможности и достижения русской науки.

К счастью, в эти предреволюционные годы в Москве наряду с официальной наукой высших школ появились ростки общественной, народной науки. Большим успехом среди молодежи, а также и старшего поколения среди рабочих, служащих и интеллигенции пользовались так называемые «народные университеты». Они широко развернули свою деятельность в аудиториях Политехнического музея, в помещении Голицынских курсов (теперь это здание Академии Наук СССР на Волхонке) и в новом большом здании на Мусской площади, построенном на средства, оставленные Шанявским (теперь Высшая Партийная Школа). В народном университете деятельное участие чтением лекций принимали наиболее выдающиеся ученые того времени. Этот университет стал прибежищем профессорам, покинувшим «императорский» Московский университет. В стенах народного университета им. Шанявского возобновил свою исследовательскую работу П. Н. Лебедев и многие другие ученые.

Общественность помогла создать и специальные исследовательские институты. Довольно значительные средства были собраны на постройку здания Физического институ-

та для П. Н. Лебедева на Миусской площади. П. Н. Лебедеву не удалось дожить до окончания этой стройки, закончившейся только в 1916 году. Теперь в этом здании помещается Физический институт Академии Наук СССР, носящий имя П. Н. Лебедева.

Эта страница истории с достаточной ясностью показывает наличие богатой и плодотворной почвы для развития науки в предреволюционной Москве и вместе с тем тупое, невежественное непонимание роли науки со стороны царского правительства. Дореволюционная наука росла и ширилась вопреки власти, помимо государства.

* * *

Почти через четверть века после описанных событий в московской научной жизни, в 1934 году в Москве развернулась новая страница ее научной жизни, страница совершенно иного характера. По постановлению советского правительства в Москву из Ленинграда переводилось старейшее и высшее научное учреждение страны, Академия Наук СССР. Перенос столицы из Москвы в Петербург в начале XVIII века обозначал решительный разрыв с прошлым, со стариной, в частности, с религиозными византийскими традициями, тормозившими рост науки в России. Петербургская Академия Наук стала для своего времени выражением новой передовой науки. Но уйдя из Москвы, наука неизбежно опиралась на Москву. Академия черпала из нее свои молодые кадры. Москва присылала в Академию таких студентов, как Ломоносова и Виноградова (изобретателя русского фарфора). Первый президент Академии Наук врач Блюментрост был москвичем по рождению. Петербургская Академия поддерживала и связи другого рода с Москвой. Известно, например, что знаменитые академики «первого призыва» Л. Эйлер, Я. Бернулли и другие разрабатывали механизмы для подъема злосчастного московского царь-колокола. Во второй половине XVIII века знаменитый путешественник и естествоиспытатель академик Паллас устроил в Московском Нескучном саду ботанический сад на месте теперешнего Зеленого театра и против теперешнего здания Президиума Академии. Хорошо известно участие Ломоносова в организации Московского университета. Многие профессора Московского университета в XIX и XX вв. были академиками.

Если для самого основателя Петербургской Академии, Петра I, Академия была очень нужным рычагом в государственной машине, то для его царствовавших потомков Академия значила совсем немного и рассматривалась только как неизбежная, модная принадлежность всякого европейского двора. В течение почти двух столетий Академия Наук была предоставлена самой себе и только революционная советская власть, выдвинутая народом, вернула Академии ее истинное государственное значение. Известен набросок плана работ Академии Наук, собственноручно написанный в 1919 году В. И. Лениным. В этом плане перед Академией выдвигались конкретные государственные задачи. В правительственных актах о преобразовании Российской Академии в Академию Советского Союза в 1925 году, о переводе Академии в столицу Советского Союза в Москву в 1934 году ясно отразилась исключительная забота партии и советского правительства о науке и признании ее большой роли в жизни государства. Сравнивая отношение царского правительства к науке в 1911 году и советского правительства за прожитые три десятилетия, мы понимаем, какое решительное изменение произошло за эти годы в характере и в развитии науки нашей Родины.

* * *

Июнь 1945 года. Блистательной победой закончена война с фашизмом в Европе. Институты Академии Наук во время Великой Отечественной войны были эвакуированы на восток в различные города Советского Союза, в Казань, Свердловск, Алма-Ату, Фрунзе и т. д. Некоторые учреждения Академии в Ленинграде были застигнуты почти трехлетней блокадой, но самоотверженно и героически продолжили свою научную работу. Академия Наук СССР, как и прочие научные учреждения Советского Союза, держали в годы войны суровое испытание. Требовалась неотложная, вполне конкретная помощь разнообразным фронтам и тыла. Нужно было помогать артиллерии, авиации, Военно-Морскому Флоту. Требовались постоянно новые научные решения по вопросам военной медицины, бесконечные новые задачи выдвигали разные виды промышленности. Враг

обладал большой современной техникой, которой нужно было противостоять. Советская наука, наука, выращенная за 25 лет, наука, основные кадры которой состояли из молодежи, выходцев из народа, справлялись с трудными испытаниями, и в летние месяцы 1945 года вместе со всей страной, вместе с Красной Армией она праздновала и свою победу.

Академия Наук, а вместе с нею и вся наша наука отмечала в июне 1945 года с исключительным торжеством свой 220-летний юбилей. На этот юбилей съехались ученые и государственные деятели со всех концов нашей земли, прибыли более сотни иностранных ученых, среди которых были всемирно известные имена. Несмотря на все лишения, тягости войны, несмотря на громадные потери в оборудовании, советская наука, сосредоточенная в Москве, с гордостью могла демонстрировать перед родной страной и перед всем миром свои достижения. Эта демонстрация была несравнимо более сильной, более внушительной, чем та, которая происходила в той же Москве в 1909 году на XII Съезде естествоиспытателей России и о которой упоминалось выше. За 30 лет в Москве и по всей стране выросла громадная новая наука, всемерно поддерживаемая народом, партией и правительством, наука необходимая, наука, составляющая одно из основных условий развития страны, ее военной мощи, ее надежд на пути к идеалу коммунизма.

Подготовка текста и публикация С. С. Илизарова

«БУРИМЕ» КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ МОСКВЫ

Николай Александрович Штрейс (1910–1990) родился в г. Конотопе Черниговской губернии. Его отец А. Б. Штрейс был инженером-путейцем. Мать Мария Ивановна (урожд. Прилуцкая) — дочь протодьякона Успенского собора в Кремле.

В 1918 г. А. Б. Штрейса перевели в Москву со значительным повышением в должности — он стал начальником тяги Киевской железной дороги. Николай поступил в одну из лучших московских школ — бывшую Алферовскую гимназию, которую в 1928 г. успешно закончил. Мечты его были обращены к театру, и, обладая красивым низким голосом и ярким темпераментом, он, еще учась в школе, брал уроки актерского мастерства у знаменитого вахтанговца Б. С. Щукина. Однако, вняв голосу благоразумия и советам отца, в 1929 г. Н. А. Штрейс блестяще сдал экзамены в Московский геолого-разведочный институт (МГРИ) на геологический факультет.

В конце концов он увлекся геологией. Свое первое научное открытие он сделал на 4 курсе института, находясь в экспедиции на Урале. Н. А. Штрейс открыл современное месторождение бокситов, а главное, выдвинул теорию их происхождения, впоследствии полностью подтвержденную и разработанную его другом А. В. Пейве. В геологии эта теория значится под именами Н. А. Штрейса и А. В. Пейве.

В 1935 г. Н. А. Штрейс блестяще закончил МГРИ и был приглашен на работу в Геологический институт АН СССР (ГИН), где директором был А. Д. Архангельский, который собирал вокруг себя талантливую молодежь. Первое время Н. А. Штрейс занимался биостратиграфией силлурийских девонских отложений. Позднее он перешел в отдел тектоники, которым руководил проф. Н. Н. Шатский, возглавивший после смерти А. Д. Архангельского в 1938 г. Геологический институт. В те же годы институт блистал такими именами, как В. В. Меннер, Н. М. Страхов, а из более молодого поколения — А. В. Пейве, В. В. Чердынцев, Н. П. Херасков, Б. А. Петрушевский, А. Л. Яншин и многие другие.

Одаренность Н. А. Штрейса сказывалась не только в геологии. Он хорошо знал историю, литературу, поэзию, живопись и театр. Но главное, что привлекало к нему людей, это доброта, незлобивость и личное обаяние. Ранние научные работы Н. А. Штрейса (1937–1939) посвящены раскрытию соотношений между явлениями магматизма, тектоники и рудообразования. В июле 1941 г. он был командирован на